
ВОКРУГ КНИГ

EDN: MKZGVD

КОГДА СЕРЕДИНА СТАНОВИТСЯ ЗОЛОТОЙ...

© 2025 г. В.Б. Кувалдин

ДАВЫДОВ В.М. Концептуальное позиционирование в русле регионоведения. Опыт латиноамериканистики и не только... Москва, Изд-во "Весь мир", 2023. 152 с.

КУВАЛДИН Виктор Борисович, доктор исторических наук, профессор,
ORCID 0009-0003-4560-7295, kuvaldin@mse-msu.ru
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (МШЭ МГУ), РФ, 119991 Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 61.

Рецензия поступила 25.08.2024. Принята к печати 09.10.2024.

Ключевые слова: латиноамериканистика, страноведение, регионоведение, глобалистика, научная школа.

WHEN THE MIDDLE BECOMES GOLD...

DAVYDOV V.M. Conceptual Assessment within Framework of Area Studies. The Experience of Latin American Studies and not only... Moscow, Ves' Mir, 2023. 152 p. (In Russ.)

Victor B. KUALDIN,
ORCID 0009-0003-4560-7295, kuvaldin@mse-msu.ru
Moscow School of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University (MSE-MSU), 1, Bldg. 61, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.

Received 25.08.2024. Accepted 09.10.2024.

Keywords: Latin America studies, country studies, area studies, global studies, the school of thought.

About author:

Victor B. KUALDIN, Dr. Sci. (History), Head of Department.

Сравнительно небольшая, но емкая монография профессора, члена-корреспондента РАН В.М. Давыдова "Концептуальное позиционирование в русле регионоведения", по-видимому, первая в своем роде в отечественной литературе. Похоже, пока она остается достоянием ограниченного круга специалистов по Латинской Америке. Между тем работа заслуживает внимания всего сообщества российских международных. За громоздким и несколько неуклюжим названием таится нетривиальное содержание.

Книгу сразу выделяет смелый, амбициозный замысел. Целью автора было через призму регионоведения поставить ряд актуальных проблем всего комплекса наук о современном мире и даже российского обществоведения в целом. Чтобы не быть голословным, обратимся к тексту.

Естественно, что в качестве объекта и инструмента исследования автор, один из столпов

отечественной — и не только — латиноамериканистики, выбрал до боли знакомый регион. Серьезным плюсом этого выбора было "возведение в квадрат" такой важной характеристики задуманного исследования, как срединность. Промежуточное положение регионоведения в классической триаде страноведение—регионоведение—глобалистика оказалось помноженным на срединное положение Латинской Америки в мировой табели о рангах, которое определяется приблизительным совпадением ее удельного веса в мировом населении и глобальном ВВП.

Не будучи в состоянии похвастаться принадлежностью к славному цеху латиноамериканистов, постараюсь ограничить свои суждения о регионе абсолютным минимумом. Тем более что в книге много такого, что выходит за рамки регионоведческой специализации и представляет общезначимый интерес.

Несмотря на должное смирение, все же полностью удержаться от произвольных выходов на сложнейшую латиноамериканскую ниву просто невозможно. Так, производят совершенно ошеломляющее впечатление приведенные автором выводы из длинных статистических рядов, построенных на расчетах специалистов ИМЭМО РАН (с. 59). Оказывается, что в XX в. абсолютный мировой рекорд наращивания производства принадлежит Бразилии. В предыдущем столетии ее ВВП увеличился в 78 раз. На фоне фантастических успехов латиноамериканского гиганта меркнет даже прославленное “японское чудо”. Соответствующий показатель страны Восходящего солнца составляет 44.7.

Японии дышат в затылок другие крупные страны региона: Колумбия (41.7), Мексика (40.9), Перу (40.0). Даже “тихоход” Аргентина с ее плотно приклеившимся ярлыком неудачницы века выглядит вполне прилично: 21.1 при среднемировом показателе 18.0.

Солидность расчетов аналитиков ИМЭМО косвенно подтверждает такой признанный авторитет в области мировой экономической истории, как А. Мэдисон. По его данным, с 1913 по 1998 г. доля Латино-Карибской Америки (ЛКА) в мировом ВВП увеличилась почти вдвое, с 4.5 до 8.7% (для сравнения: Азия, правда, исключая Японию, с 21.9 до 29.5%) (с. 57).

Здесь у неспециалиста по региону сразу возникает рой недоуменных вопросов. Когда и как это произошло? Вряд ли страны ЛКА сделали такой рывок в последней четверти века с их “провальными” 80-ми годами и серией кризисов, поразивших крупнейшие экономики региона — мексиканскую, бразильскую, аргентинскую — на исходе столетия.

Что им так помогло в начале и середине бурного века? Первое, что приходит на ум, — мир. В сущности, две мировые войны обошли далекий от Евразии континент стороной. Когда остальные азартно уничтожали экономический потенциал друг друга, он мог спокойно наращивать мускулы, поставляя продукцию воюющим сторонам. Да и в самой Латинской Америке царил мир, если не считать единственную Чакскую войну между Боливией и Парагваем (1932–1935 гг.). Миротворительный настрой темпераментных латиноамериканцев позволял сильно экономить на военных расходах.

Наверное, развитие хозяйственного взаимодействия серьезно облегчала культурная гомо-

генность региона. Общая история от конкисты до национально-освободительных войн начала XIX в. и далее “со всеми остановками”, два родственных языка, одна религия. В глобальном мире, где наличие или отсутствие культурных барьеров приобретает все возрастающее значение, эту сторону дела никак нельзя недооценивать.

А как быть с квалификацией латиноамериканского капитализма как периферийно-зависимого? Уж она-то вроде бы должна тормозить, а не стимулировать экономический рост. Боюсь, что здесь нам придется, похоронив идеологические стереотипы времен холодной войны, вновь вернуться к вопросу о роли Соединенных Штатов в хозяйственном развитии Западного полушария.

Если вышеназванные количественные показатели прочно утвердятся в научном обороте, то не будет ли с чисто экономической точки зрения более корректно именовать XX в. не американским, а латиноамериканским? Вопросы, вопросы, вопросы... К сожалению, автор, высококвалифицированный экономист, не спешит здесь на помощь любознательному, но малосведущему читателю.

Впрочем, его можно понять. Основной пафос книги не в этом. Владимир Михайлович старается через магический кристалл латиноамериканистики идентифицировать ключевые проблемы глобального мира и их отражение в современной науке.

Он исходит из того, что мировое сообщество вступило в полосу кардинальных перемен с неясной перспективой. Здесь сошлось многое: смена технологического уклада, социальные трансформации, геополитическая конфронтация, институциональная реорганизация экономики и общества, энергетический переход, революция в военном деле, переплетение и обострение глобальных проблем, ставших экзистенциальной угрозой существованию человечества.

Этот “поликризис” бросает вызов всем значимым игрокам, действующим на разных уровнях глобального социума и мировой политики. А для науки это означает критическую оценку и переосмысление многих базовых понятий и категорий, на которых строятся наши представления об окружающем мире.

В зреющем перевороте в нашем понимании того, как устроен и функционирует современный мир, автор возлагает большие надежды на

регионоведение. Трезво оценивая состояние дел в сегодняшней латиноамериканистике, он постулирует, что она (как, вероятно, другие регионоведческие школы) достигла той стадии зрелости, "...когда научная мысль невольно обращается к поиску и использованию концептуальных резервов, к систематизации творческих достижений внутри собственной специализации и в границах смежных школ" (с. 7).

Выход на этот уровень дался ей нелегко, ее путь не был усыпан розами, особенно в постсоветский период. Вместе со всей нашей фундаментальной наукой она страдала от хронического недофинансирования, утраты властями предержащими всякого интереса и уважения к процессу познания как таковому. Еще опаснее и губительнее для научного поиска было крушение всей системы координат отечественного обществоведения. Внутрироссийская "холодная война", отравившая общественный климат 90-х годов прошлого века, никак не могла обойти стороной сильно политизированное сообщество латиноамериканистов. В наиболее вирулентной форме она проявилась во внутренней жизни его мозгового центра, Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, который Владимир Михайлович как раз возглавил в середине десятилетия, победив на конкурсных выборах директора (1995 г.). Так что ему пришлось "собирать камни" на этой неблагодарной ниве, возвращать академическую жизнь на вверенной территории в более-менее нормальное русло.

В апелляции к регионоведению автор ни в коем случае не забывает другие уровни научных исследований, на которых плодотворно трудятся ученые-международники. Он всегда их подает в вышеозначенном триединстве: страноведение—регионоведение—глобалистика. Этот сильный и плодотворный подход — его выношенная, даже выстраданная позиция (с. 8, 24).

В этом животворном триединстве все равны, но, как говорится, одни более равны, чем другие. В. Давыдов настойчиво выделяет связку регионоведение—глобалистика, отводя страноведению второстепенную роль. Настолько второстепенную, что иногда он себе позволяет уничижительные характеристики типа "страноведческое гетто" (с. 82, 134).

Чем же провинилось это славное направление исследовательской работы, долгое время преобладавшее в подготовке отечественных научных и практических работников в сфере меж-

дународных отношений? Первый аргумент автора, что оно очень трудоемкое. Ссылаясь на опыт ИЛА, он говорит о невозможности ограниченными наличными силами полноценно покрыть всю страноведческую проблематику большого континента (сс. 80-81). Есть у него в запасе и другой, прямо не высказанный, но явно подразумеваемый аргумент. Судя по всему, автор полагает, что глубокое погружение в страновую реальность сковывает творческий потенциал ученого, обрекает его на низкий научный горизонт.

Это действительно серьезная проблема. В Европе и тем более в Африке стран не меньше, чем в Латинской Америке, а "штыков" в соответствующих академических институтах вряд ли намного больше, чем в ИЛА. Вообще в мире больше 200 государств, и число их растет. И даже самые маленькие из них представляют собой довольно любопытные кейсы. Они не могут похвастать экономической или военной мощью, но порой играют значительную роль в мировой финансовой системе. Или в особо актуальной климатической повестке дня. Да и в Генеральной Ассамблее ООН все голоса равны.

Похоже, страноведение во многом оказалось жертвой бурного развития глобалистики, не всегда оправданно смещающей акценты в сторону предельно широких обобщений. Скажем, люди моего — и Владимира Михайловича — поколения еще застали то время, когда в нашей науке доминировали сильные страноведческие школы, в основном занимавшиеся Европой. Сегодня это скорее привилегия избранных: США, Китай. Другие времена, другие песни.

Все-таки полагаю, что страноведческий компонент триады ни в коем случае нельзя культивировать по остаточному принципу. Нравится это нам или нет, но это фундамент, на котором строится все остальное. Он незаменим и в профессиональной подготовке, и в дальнейшей практической деятельности. Другое дело, что для того, чтобы быть по-настоящему успешным и в академической жизни, и в других сферах бытия, необходимо интенсивно осваивать и средние, и верхние этажи геополитического мироздания.

В монографии В. Давыдова глобалистике и ее предмету — глобализации — повезло гораздо больше, чем страноведению. Прежде всего потому, что в отечественном регионоведении он видит перспективный "...общий тренд — совмещение анализа региональной (а постольку

и страноведческой) и глобальной проблематики” (с. 134).

В этой связи в книге высказывается ряд интересных суждений о глобализации. Автор справедливо не приемлет ныне модный тезис, что глобализация мертва (с. 116). Куда более взвешенным и плодотворным представляется суждение академика В.В. Наумкина: сегодня наряду с глобализацией присутствует противоположный, контрглобализационный тренд. Они разнесены по разным сферам международной жизни: геополитика против глобальной экономики, что угрожает сегментацией и даже фрагментацией мировых рынков (с. 30, 116).

Основную причину геополитических пертурбаций последних лет автор видит в стратегии Запада, направленной на сохранение ускользающей гегемонии. Он пишет: «Ее смысл — если нельзя обратить вспять процесс восхождения альтернативных центров, то нужно как минимум его затормозить, заставив работать “на полных оборотах” остающиеся собственные конкурентные преимущества, а чужие работать “вхолостую”» (с. 119). В другом месте он с грустью и тревогой замечает, что невосполнимой потерей разгоревшейся геополитической конфронтации стала перспектива выхода ЛКА на траекторию устойчивого развития (с. 113).

Значительно более дискуссионным представляется другое суждение автора о внутренней структуре современного миропорядка. Он полагает, что на смену жестким моделям экономических и политических объединений идет ситуативное партнерство, нацеленное на решение конкретной задачи (с. 29). Задача задачи — рознь, многие из них настолько сложны и объемны, что требуют прочного, долговременного сотрудничества на перспективу с надежным международно-правовым оформлением.

При всем уважительном отношении автора к глобалистике его сердце отдано регионалистике. В объяснение и оправдание своих пристрастий он приводит ряд весомых доводов. Первый и, возможно, самый существенный: в условиях начавшегося перехода к полицентричности объективно растет значение региональной проблематики. Прогрессирующая дифференциация мирового пространства превращает регионоведение в своего рода мост между глобалистикой и комплексным страноведением. Интегральный характер регионалистики предполагает междисциплинарный подход к объекту исследования.

И это не все. Само регионоведение заключает в себе два, если не три в одном. Оно дает нам неоценимое, комплексное знание о регионе как теоретическую основу практической деятельности. В то же время накопленный багаж знаний имеет самостоятельную ценность, поскольку закладывает фундамент для формирования научных школ. А научные школы не только обеспечивают преемственность и обновление в процессе познания мира, но и служат уникальным инструментом осмысленного развития общества. По сущностному утверждению автора, они, вступая в стадию зрелости и активно взаимодействуя между собой, самореализуются не как вещи в себе, а как живая материя, движущаяся в потоке исторического времени (с. 17, 111, 132, 134, 135, 136).

При таком холистическом видении предмета неудивительно, что регионалистика присутствует в книге одновременно в двух измерениях — как определенная реальность и ее отражение в научном дискурсе. Если начать “от печки”, то первой фундаментальной проблемой является выработка критериев регионального членения глобального пространства. Здесь позиция автора не совсем ясна и понятна. Он не ставит под сомнение традиционное представление о регионе как определенном географическом пространстве, объединенном общностью, родством экономических, политических, идеологических процессов. В то же время поднимает на щит цивилизационный подход, предполагающий комплексное видение региона, аналитическое со вмещение материальных и духовных ипостасей человеческого бытия (с. 36, 39, 41).

Все это выглядит очень заманчивым. Проблема в том, что эти два подхода далеко не всегда гармонично сочетаются друг с другом. Например, Восточная или Южная Азия, несмотря на относительно небольшое число государств, — полицивилизационные регионы. Да и те регионы, которые ранее считались цивилизационно однородными — европейский или североамериканский, ныне утрачивают или, по меньшей мере, серьезно трансформируют былую однородность и идентичность.

Латиноамериканская цивилизация также затронута этим процессом переплавки в горниле глобального мира. Сам автор упоминает такой примечательный факт: в регионе, слывшем твердыней католицизма, протестантские секты отвоёвывали значительную часть паствы (по досто-

верным оценкам, не менее 30%. — В.К.). В качестве вероятной причины их успеха Владимир Михайлович обозначает поддержку единоверцев из США (с. 127).

Конечно, “американский фактор” во всей его полноте никогда и нигде нельзя сбрасывать со счетов. Все-таки рискну предположить, что наиболее действенным мотором перемен в данном случае выступила другая сила. А именно латиноамериканские женщины. Дело в том, что протестантизм, в отличие от католицизма, акцентирует идею личной ответственности человека за себя и своих близких. В регионе, пропитанном мачизмом, женщины первыми оценили ее преобразующий потенциал с точки зрения семейного благополучия. А вслед за ними потянулись и мужчины.

В свете вышесказанного представляется наиболее целесообразным в идентификации регионов использовать в качестве базового принципа традиционные экономико-географические критерии в сочетании с историческим подходом, а цивилизационные характеристики привлекать в качестве важнейшего дополнения. Впрочем, похоже, что в своих конкретных исследованиях автор действует именно таким образом. Об этом свидетельствуют выделенные им три архетипичные матрицы социально-экономического развития различных субрегионов ЛКА: гибридная, плантационного рабства и переселенческая (сс. 39-40).

В остальном в характеристике “вверенного” ему региона В. Давыдов довольно скуп. Он считает правомерным и оправданным традиционное включение ЛКА в огромный и разношерстный массив развивающихся стран, или “третьего мира”, как он именовался в годы холодной войны (с. 36). Безусловно, ему виднее, но тень сомнения все же остается. Ведь и тогда, в отличие от основной части этой бывшей колониальной периферии, государства ЛКА были странами среднего уровня развития. К тому же вспомним о впечатляющих экономических достижениях этого региона в XX в., о которых говорилось выше. Справедливости ради отмечу, что эта проблематика живо дебатировалась в отечественной латиноамериканистике начиная с советских времен, но, по-видимому, по-прежнему остается в числе дискуссионных (сс. 54-56). Правда, эту тему можно оставить историкам, поскольку автор справедливо говорит о далеко зашедшей социально-экономической диверсификации этого наиболее весомого компонента глобального мира (с. 38).

Сильно диверсифицирована и сама ЛКА. Она “... уникальна тем, что имеет парадоксальное сочетание несомненной цивилизационной общности и широкого диапазона национальных ситуаций, демонстрирующих разность исходных матриц” (с. 41). В этих национальных казусах представлено все многообразие моделей организации социумов глобального мира, от первобытных до ультрасовременных. Они различаются по характеру внешней среды и природным богатствам, этнорасовому составу, уровню экономического развития и степени стратификации общества, прочности системообразующих институтов (с. 41, 42).

Латиноамериканская реальность предоставляет автору уникальный материал для размышлений на такую общезначимую тему, как борьба правой и левой альтернатив в макроэкономической политике национальных государств. Несмотря на явную принадлежность автора к левому лагерю, Владимир Михайлович старается быть по-научному объективным, чтобы вместе с грязной водой не выплеснуть и младенца. Так, он видит в Вашингтонском консенсусе немало рациональное зерно, призванное оздоровить и упорядочить государственные финансы (с. 70). Констатирует, что в конечном счете “суть дела сводилась к расчистке экономического и социального пространства для глобализирующегося капитала” (с. 86). В то же время подчеркивает, что на раскаленном континенте поворот к неолиберальной экономической политике шел рука об руку с установлением диктаторских, репрессивных режимов (сс. 50-51).

Еще одной общезначимой темой, для размышлений над которой многогранный латиноамериканский опыт дает обильную пищу, является “глобальное зазеркалье”, или “подпочвенная” реальность, как ее именует автор. Сюда он относит не только криминалитет, но и операции спецслужб, чужающиеся публичности влиятельные конфессиональные сообщества и секты, сросшееся с мафией предпринимательство (с. 108). Отдельно выделен сюжет о роли армии в общественно-политической жизни региона (с. 54).

Последнее в порядке перечисления, но не по важности. В набившем оскомину противопоставлении науковедения и наукометрии автор, полагаю, на правильной стороне истории (с. 8, 136). Научную деятельность, также как и Россию, “аршином общим не измерить”. В оценке ее результатов можно использовать

количественные показатели, но они должны знать свое место, играть вспомогательную роль. В конце концов каждый серьезно работающий в мире науки знает, кто чего стоит “по гамбургскому счету”. Поэтому в академических делах наиболее веское слово должно принадлежать самим ученым.

В заключение своего повествования В. Давыдов сжато перечисляет основные концептуальные разработки отечественной латиноамери-

канистики. Этот не короткий список выглядит внушительно и достойно (с. 137). Абсолютно уверен, что другим нашим регионоведам есть что предъявить в ответ. Было бы здорово, если бы их ведущие представители сделали что-то подобное на своем материале. Тогда бы все мы получили объемное, стереоскопическое представление о фундаментальной работе, проделанной отечественной наукой на этом направлении государственной важности.